

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Кафедра удмуртского языка и методики его преподавания
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

**ПЕРМИСТИКА XII:
ДИАЛЕКТЫ И ИСТОРИЯ
ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ**

Материалы
XII Международного симпозиума
(21–22 октября 2008 г., г. Ижевск)

ИЖЕВСК 2008

УДК 811.511(063)

ББК 81.66я431

П 275

Редакционная коллегия:

А. Ф. Шутов, доктор филол. наук, профессор (отв. ред.);

Л. Л. Карпова, доктор философии по специальности «Уральские языки»;

Л. Е. Кириллова, канд. филол. наук

Рецензент: **Л. В. Вахрушева**, канд. филол. наук

П 275 Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / Отв. ред. А. Ф. Шутов; Удм. гос. ун-т / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. 386 с.

В сборнике, посвященном 80-летию со дня рождения одного из ведущих специалистов в области удмуртского и финно-угорского языкознания доктора филологических наук, профессора **И. В. Тараканова**, представлены доклады, сообщения и материалы XII Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (21–22 октября 2008 г., Ижевск).

ББК 81.66я431

© Коллектив авторов, 2008

© Удмуртский государственный университет, 2008

Потёмкин М. П. География: гыриссез понда велётчан книга / М. П. Потёмкин, П. Г. Терехов. Кудымкар, 1940.

Роговъ, Н. А. Пермязко-русский и русско-пермязкий словарь / Н. А. Рогов. СПб., 1869.

Савваитовъ П. И. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь / П. И. Савваитов. СПб., 1850.

Синицкий Л. Д. Физический география: шёрёт школа понда велётчан книга: 5-ёт велётчан во / Л. Д. Синицкий. М., 1933.

Сонгаило К. А. География съёрти лыддьётан книга: нельёт класс: начальной школайс учителлес понда пособие / К. А. Сонгаило, В. А. Грузинская, Н. И. Блонская, В. А. Рауш. Кудымкар, 1946.

Сторожов А. М. География: 3-ёт во / А. М. Сторожов. М., 1932.

Сторожов А. М. География: 4-ёт во / А. М. Сторожов, Н. А. Репина. М., 1932.

Терехова Л. Г. География: медодзза тор: медодзза школа понда велётчан книга: куимёт велётчан во / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. М., 1934.

Терехова Л. Г. География: медодзза часть: медодзза школа понда куимёт классё велётчан книга / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. Кудымкар, 1936.

Терехова Л. Г. География: медодзза часть: начальной школа понда куимёт классё велётчан книга / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. Кудымкар, 1939.

Терехова Л. Г. География: мёдик тор: медодзза школа понда нельёт классё велётчан книга / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. М., 1934.

Терехова Л. Г. География: мёдик часть: медодзза школа понда нельёт классё велётчан книга / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. Кудымкар, 1936.

Терехова Л. Г. География: мёдик часть: начальной школайс нельёт класс понда велётчан книга / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. Кудымкар, 1940

Терехова Л. Г. География: мёдик часть: начальной школайс нельёт класс понда учебник / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. Кудымкар, 1944.

Терехова Л. Г. География: мёдик часть: начальной школайс нельёт класс понда учебник / Л. Г. Терехова, В. Г. Эрдели. Кудымкар, 1947.

Туганаев В. В. Русско-удмуртский словарь географических терминов / В. В. Туганаев, П. И. Воронцов, А. П. Перовщиков. Ижевск, 2003.

Т. Г. Пантелеева (Ижевск)

Язык малой прозы Олега Четкарева

Олег Геннадьевич Четкарев хорошо известен как удмуртскому, так и русскому читателю. Он многожанровый писатель, создающий очерки, рассказы, повести и др. Его произведения отличаются актуальностью, злободневностью, в них писатель поднимает нравственные проблемы современности. Прежде всего он пытается проникнуть в глубины человеческого сознания и понять, что заставляет одного человека стать достойной личностью, а другого – духовно деградировать.

На наш взгляд, проблема нравственного выбора является одной из наиболее значимых в творчестве писателя. Этой теме посвящены рассказы "Йё вылэ тэтчон" (1989) ("Крещение – грехам отпущение", в переводе на русский язык – повесть, 1993), "Воргоронъёс" ("Мужики", 1989, 1993), "Учы вай" ("Соловьиная ветвь", 1989, 1993), "Зеч адыми" ("Хороший человек", 2000), "Быръён" ("Выбор", 2002) и др. Следует отметить, анализ этих произведений показывает, что малая проза О. Четкарева насыщена колоритными образами.

Это и Кирилл Кашков ("Крещение – грехам отпущение"), Душкин и Павел Тимофеевич Рошаев ("Выбор"), и деревенские мужики ("Мужики"), и многие другие. Всех их объединяет то, что им постоянно приходится выбирать между злом и добром. И однажды смалодушничав, как Кирилл Кашков, человек продолжает скользить по накатанной колее вниз. Кирилл выбрал жизнь обеспеченную, но несправедливую. Он не старается искупить свою вину честным трудом, а напротив – продолжает цепь противозаконных действий: на работе помогает начальнику расхищать народное добро, а затем и сам пристрастился воровать (то краску утаит со стройки, то цемент продаст "налево", то утаит бензин, то – ручки от дверей). Кирилл умел жить, "вертелся как мот", ничем не брезговал. А начальство на работе его даже поощряло, ему выделили квартиру, на деньги, "добытые несправедливым трудом", купил машину. Внешне в жизни у Кашкова все благополучно. У него дом "полная чаша", прибыльная работа – водитель грузового транспорта на стройке, жена, сын. Но это только внешняя сторона жизни персонажа, в действительности жена – нелюбимая, сын – не родной, пасынок, богатство – ворованное. Не жизнь, а одна видимость, мираж. Как видим, автор создал психологически верный образ несуды, который шарахается от малейшего шороха, и впоследствии закономерно совершает на своей машине наезд на женщину и, скрываясь от преследований ГАИ, сам оказывается в полынне. Преступник получил по заслугам: "смерть за смерть", но автору этого оказалось мало, он своего персонажа лишает возможности даже после смерти обрести "место" на земле: после несчастного случая тело Кирилла не было найдено. Тем самым О. Четкарев как бы подчеркивает, что такие люди, как Кирилл Кашков, не должны жить, и даже после смерти они не имеют право обрести "последний покой". Кирилл и ему подобные сами выбрали свой путь в жизни. И как бы продолжая начатую тему в рассказе "Крещение – грехам отпущение", писатель в другом рассказе ("Выбор") устами главного героя Павла Тимофеевича Рошаева говорит: *"Бьдэс улон – со бырьён. Кызы бырийд – сыче ик улод"* (Вся жизнь – это выбор. Как выберешь – так и проживешь...).

Следует особо подчеркнуть, что О. Четкарев психологически достоверно изображает своих персонажей. Ему в этом помогает знание родного языка, культуры, быта и нравов удмуртского народа. Важно, что раскрывая глубинные причины поведения персонажа, писатель привлекает сравнительные обороты, фразеологические единицы и другие средства художественной выразительности и тем самым делает образ более наглядным, ярким, впечатляющим. Не случайно, повествователь знакомит читателя с детскими годами Кирилла: мальчик рос в тяжелые послевоенные годы в материально обеспеченной семье, но в физическом развитии отставал от своих сверстников, и те его обижали. В результате он вырос озлобленным на весь мир: *"Озы ик быдэ вуиз Кишло, возжпотонзэ тушказ ватыса но ас понназ лепен малпаса: "Возьмат ай мон тйледлы, будй ке..."* (Так и вырос Кирилл, скрывая свою злость внутри и думая про себя злобно: "Покажу еще я вам, когда вырасту..."). Фразеологические сочетания *быдэ вуиз* (стал совершеннолетним), *возжпотонзэ тушказ ватыса но ас понназ лепен малпаса* (скрывая свою злость внутри и думая про себя злобно) раскрывают внутренний комплекс ребенка. В свою

очередь отец, любя и жалея позднего ребенка, давал ему уроки жизни. Автор пишет: “Пантелей мог выжать масло даже из сухого угля” (“*Паньти угось кбс эгырьсь но вбй пызььртыны быгатоз вал*”). Эти слова служат средством выражения характеристики героя. Образ конструируется через трансформацию изначально положительных черт характера в отрицательные. Так, деловитость, практичность перерастают в меркантильность и формируют такие негативные качества, как скупость, скопидомство, которые в результате вызывают неуважение к нему односельчан. Духовная энергия Пантелея направлена только в сторону наживы, обогащения, его талант не несет душевного тепла и уюта. Впоследствии эти способности передадутся сыну, но и его усилия и старания не принесут ему желаемого счастья.

Следует обратить внимание еще на одно фразеологическое выражение “*Бер чпы дуно луэ угось*” (Поздний цыпленок бывает дорогим). Оно полностью метафорично, метафора яркая, автор тем самым подчеркивает ценность позднего ребенка для престарелых родителей. Это помогает представить, как воспитывали, как лелеяли его родители.

Фразеологическое сращение “*кыдыз бертыльз*” дает возможность понять, что его мать состарилась, “впала в детство”, что ей свойственно неадекватное восприятие действительности.

Или: “*Озы ик улйзы, жуаьсь гуре сюрем кык ылысь пистьёс музэн чындыса*”. Желая обратить внимание на неполноценность бытия героев, сосредоточившихся на материальных основах жизни в ущерб духовным, и пишет: “Так и прожили, как две головешки из сырого поленья, чадя”.

Использование О. Четкаревым фразеологических единиц отличается своеобразием: один и тот же фразеологизм употребляется в разных ситуациях по-разному, приобретая не просто новый смысл, но даже противоположное значение, например: “*Эх, шу, мултэс ваньбур но кисыез пась кароз выльм...*” (Эх, что и говорить, лишнее добро, оказывается, карман дырявит). [Вместо: “*Нош мултэс коньдон кисыез пась уг кары*” (А лишние деньги карман не дырявят)]. Деньги лишними не бывают. Деньги карман не продырявят и т. д. Или: “*изысь но вбй пызььртоз*” (из камня масло выжмет), “*кбс эгырьсь но вбй пызььртоз*” (из сухого угля масло выжмет).

Повествователь, характеризуя персонажа, называет его “*пенькыли*” (недоросль), деревенский шофер насмехается: “*Кирло – тичи сюрло*” (Кирилл – маленький серп) и др. Таким образом, образ персонажа дополняется как авторскими характеристиками, так и замечаниями других героев повествования, как например, деревенского шофера.

Для достоверного раскрытия внутренних переживаний персонажа автор использует художественный прием персонифицирования (олицетворения). Например, он следующим образом раскрывает состояние героя, когда после аварии по просьбе отца Кирилла не осудили, он целых два года до армии ходил по деревне сам не свой: “*Кык ар чоже ветлйз гуртэти синьёссэ пьд азысьтыз жутьяны дйсьтытэк, кык ар чоже улйз кадь адкисьтэм борддорьёс сьёрын. Адямиос доры матэктэ но, со борддорьёс уг лэзэ вазыны, кизз сётыса жечбурьяськыны <...> Ураметий ортчылыкуз, бёрсыз шыпырто. Укноослэн тияла синьёссы но со шоры чушмырес учко*” (Целых два года ходил

по деревне, не смея поднять глаз от земли, целых два года будто жил за невидимыми стенами. Когда приближается к людям, эти стены не разрешают ему говорить, поздороваться, подавая руки. <...>. Когда проходит по деревне, вслед шепчутся. Даже оконные стекла смотрят косо на него). В данном примере стены и оконные стекла олицетворяют собой односельчан, они смотрят косо, запрещают говорить, здороваться. Или: *“Машина ёжожтйськыса-ёжожтйськыса тубиз эшио одйг бамалэ”* (Машина жалуясь-жалуясь поднялась еще на один пригорок). Или: *“Нош ик кужмо ыргетйз ”ЗИЛ”, кынмем дэри люкьёс вылтй тэтчаса”* (Снова злобно зарычал “ЗИЛ”, подпрыгивая по замершим грязевым кочкам).

Наряду с художественными приемами олицетворения, сравнения, фразеологическими единицами, писатель также использует литоты (излишнее уменьшение чего-либо). В частности: *“Ужас вуыса, Рошаев жёк съёраз пуксиз но ужамъяськыз, нош пельёсыз шырась кучыранлэн кадь сакто, коридорысь култэсь бызгетэмзэ но кылысалзы, дыр”* (Придя на работу, Рошаев сел за свой стол и притворился будто работает, а уши настрожены, как у охотящейся за мышами (мышкующей) совы, они, наверное, услышали бы надоедливое жужжание мухи в коридоре). В данном контексте фразеологическое выражение [“(уши – Т. П.), наверное, услышали бы надоедливое жужжание мухи в коридоре”] основано на литоте “жужжание мухи”, этот эпизод передает психологическое состояние героя, его напряженное ожидание, обострение слуха до предела – сидя в кабинете, мог услышать “жужжание мухи в коридоре”. Или: *“Аслыз сямен ик, Насьталы но улон шудзэ чечы пуньыен гинэ верьятэм”* (Как и ему, Насте жизнь дала счастье только на пробу из чайной ложки). В оригинале: *“чечы пуньы”* переводится буквально как ‘ложечка для меда’. Или: *“Киосыз мыно, изысь но вёй пызьёртыны быгатоз, вень пасетй майталтэк потыны дышииз бере, паньгатэм легковушкаез выль кадь кариз <...>”*. (Руки золотые, из камня масло сможет выжать, раз научился без мыла через игольное ушко пролезть, легковушку после аварии так отремонтировал, стала как новая). Фразеологическое выражение “пролезть через игольное ушко” образовано на основе литоты и означает высокую степень мастерства человека. В старину верили, что через игольное ушко могли пролезть только ведуньи, колдуны, люди с особыми магическими способностями.

Еще один красноречивый пример: *“Пересьлэн юртэз-ерез шыр пыронтэм шыкыс выллем вылэм. Улыно-вылыно из корка...”* (Дом старика, словно сундук, куда даже мышка не пролезет. Двухэтажный кирпичный дом...). Данный фразеологизм подчеркивает мастерство строителя, хозяина жизни. Из мифологических устных рассказов удмуртов знаем, что покойники-колдуны “возвращаются” домой в образе мышки и могут отомстить обидчикам. А если у героя дом-крепость, куда мышка даже не сможет пролезть, то такой человек явно является хозяином жизни, ему никто и ничто не страшны в этом мире.

О. Четкарев также умело использует энантиосемию, внутреннюю антитезу, когда слово самому себе становится антонимом. Например: *“Пересь мурт сыче “небыт” ваземысь нокыче ик ёз кариськы, азьло сямен ик пальнотыса*

юаз” (Старик не смутился такому “ласковому” обращению, как и раньше, улыбаясь, спросил). В данном контексте слово “ласково” употреблено в значении ‘грубо, резко’. Прямое лексическое значение слова раскрывается в контексте. Или: “*О-о, кыче куну лыктэм. Пыре, пыре, ёс кустын эн сьлэ. <...>. Павел Тимофеевич капчиен лулзиськиз: “Я, табере ваньмыз валамон”.* (О-о, какой гость пришел. Заходите, заходите, не стойте на пороге. <...>. Павел Тимофеевич облегченно вздохнул: “Да, теперь все понятно”). Слово “гость” в этом случае использовано в значении ‘враг’, и его смысл раскрывается в контексте произведения.

Важно отметить, что язык произведений О. Четкарева – народный язык. Он пишет так, как говорит удмуртский народ. Одной из особенностей устной речи удмуртов является то, что человек, собираясь сообщить неприятную или страшную вест, вначале обдумывает, как легче, мягче об этом сказать, какие иносказательные слова и выражения подобрать, чтобы новость предстала в более деликатной, менее резкой и грубой форме. Таким образом, субъект речи в своих высказываниях стремится избежать ненужных “острых углов”, прямолинейности, однозначности. Следовательно, речь персонажа обретает индивидуальные черты, слова становятся многозначными и ёмкими. Этому также способствует и то обстоятельство, что писатель часто употребляет вводные слова и конструкции. Например: “*Музьем, пе, бордаз кыске ини*” (Говорит, что земля уже к себе тянет, т. е. скоро умрет). Автор, как и простой народ, не пишет, что мать Кирилла скоро умрет, а использует косвенную форму, обходя такое страшное понятие, как ‘смерть’, что, естественно, воспринимается читателем как-то “мягче”, не так устрашающе грозно. Тот же смысл несет в себе и следующая фраза: “*Пиос азъвыл “гындылызы” ук*” (Парня раньше избивали же). Здесь слово “*гындыны*” употреблено в необычном значении, “избивать человека”, оно раньше использовалось только в значении ‘бить шерсть в шерстобитке’. Или: “*Замыръяны одъяз*”. “*Азъвыл чик юлылсьтэм мурт кебитысь бертыса замыръяны одъяз*” (Раньше совсем не пьющий человек, возвращаясь из кузницы, стал пригублять). Автор не пишет, что его персонаж стал пить, а употребил иносказательное фразеологическое единство “*замыръяны одъяз*” (стал пригублять, стал причащаться). А информация о злоупотребляющем алкоголем человеке воспринимается более нейтрально.

Что касается изображения тяжелого психологического состояния персонажа, то автор привлекает междометно-образительные слова типа: “*Ларк!*”, “*Зурк!*”, “*Жоггес!*” и др.

Анализ прозы О. Четкарева позволяет утверждать, что язык произведений удмуртского писателя имеет свои особенности: речь идет о емкости языкового содержания, четкости и ясности выражения мыслей. Каждое слово, выражение несет определенную нагрузку. Используя богатство родной речи, слова и словосочетания, фразеологические выражения, сравнительные и вводные конструкции, писатель тем самым сохранил их для будущего поколения и обогатил родной литературный язык.

Список литературы

Четкарев О. Г. Йӧ выльз тэтчон: Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1989. 224 с.

Четкарев О. Г. Крещение – грехам отпущение: Повести и рассказы / Перевод с удмуртского А. Демьянова. Ижевск: Удмуртия, 1993. 256 с.

Четкарев О. Г. Зӧч адями. Верос // Кенеш, 2000. № 4. С. 32–35.

Четкарев О. Г. Быръён. Верос // Кенеш, 2002. № 1. С. 49–60.

К. А. Пономарёв (Ижевск)

Удивительный мир Михаила Атаманова (штрихи к творчеству ученика юбиляра)

Михаила Гавриловича Атаманова я знаю давно, лет так около тридцати. Но до нынешнего времени он для меня был обычным человеком: научный работник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, успешно защитивший докторскую диссертацию. Общались мы с ним также в Ассоциации "Удмурт кенеш". Еще я был наслышан о том, что М. Г. Атаманов участвует в переводе Библии и других священных книг на удмуртский язык. И все.

Но вот недавно мне посчастливилось познакомиться с дюжиной его научных и публицистических трудов, и я был поражен удивительным многообразием его творческих исканий. Большинство его научных трудов посвящено исторической ономастике и этногенезу удмуртов: "Удмуртская ономастика" (1988), "История Удмуртии в географических названиях" (1997), "Удмурт нимбутор. Словарь личных имен удмуртов" (1990), "По следам удмуртских воршудов" (2001), "От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов" (2005), "Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера" (2005) и другие.

В этих глубоко научных произведениях в доступной и популярной форме раскрываются достижения и задачи изучения истории родного края, показывается роль и значение исторической ономастики в познании истоков происхождения, этапов развития удмуртского и других народов. Причем, (и это очень важно) Михаил Гаврилович подчеркивает, что в изучение истории родного края может внести огромный вклад каждый человек. Важно сохранять, собирать и беречь названия местностей: рек, ручейков, гор, полей, лесов населенных пунктов – очень важные для понимания исторических процессов.

В этих трудах М. Г. Атаманов раскрывается и как крупный ученый-педагог, и как наставник простых людей, которых он приобщает к большой науке.

В научной сфере у гуманитариев чаще всего получается так: если он лингвист или литературовед, то прекрасно разбирается в своей филологической отрасли знания, но он мало сведущий в археологии, этнографии и, наоборот, если он археолог, этнограф или историк, ему труднодоступны все тонкости лингвистики.

К чему это я говорю? А к тому, что для решения такой чрезвычайно важной проблемы, как этногенез (происхождение) народа (любого!) нужен ком-